

повлиять на эти изменения, а значит, не может выполнить одну из своих главных традиционных для XX века социальных функций, что перспективы сохранения данной группы во многом связаны с существенной перенастройкой ее функциональных характеристик и «языковых практик» в самом широком смысле этого слова.

Библиографический список:

1. Буддаков В.П. Образы революции и гражданской войны в художественной литературе 1920-х гг. // <http://textarchive.ru/c-2304313-p7.html>; Дрейден С. Музыка революции. М., 1970. 221 с.; Орлова М.А. Историко-революционная тема в советском изобразительном искусстве. М., 1963. 48с.; Соколов К.Б. Художественная культура и власть в постсталинской России: союз и борьба (1953-1985 гг.). СПб., 2007. 478с. и др.
2. Романова О. «Октябрь» Эйзенштейна: между художественным изобретением и мифом о революции // <http://urokiistorii.ru/learning/method/2549>
3. Горбачев М.С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987. 64с.
4. Рывкина Р.В. Интеллигенция в постсоветской России исчерпание социальной роли // <http://intelligentia.ru/inteligencija-v-postsovetskoi-rosi-ischerpanie-socialnoi-rol-i.html>
5. Нарышкин С.Е. «Юбилей революции 1917 года необходим для извлечения уроков» // <http://rushiistory.org/proekty/100-letie-revoljutsii-1917-goda/s-e-naryshkin-yubilej-revoljutsii-1917-goda-neobkhodim-dlya-izvlecheniya-urokov.html>

Г. С. Смирнов

Ивановский государственный университет

ИНФОРМАЦИОННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: КОГНИТИВНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ В ГЛОБАЛЬНОМ СОЗНАНИИ XXI ВЕКА

Интеллигенция традиционно представляется как хранительница и созидательница мирового человеческого знания. В каждый конкретный момент времени для отдельного человека или интеллектуального сообщества можно попытаться определить «глубину» и «высоту» знания, а также его «размерность». Библиолог Н. А. Рубакин подсчитал,

© Смирнов Г. С., 2017

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-03-00833 «Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: философско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы».

что человек имеет возможность прочитать за свою жизнь 10 тысяч книг, а «социолог времени» А. А. Любищев установил, что в среднем за сутки человек редко отводит для интеллектуальной деятельности более 6 часов. Считается, что современный «планшетный человек» в отличие от «человека книжного» 70-х годов прошлого века обладает в 2000 раз большей информацией. Таким образом, возникает возможность информационной оценки духовно-интеллектуальной деятельности человека. При этом важно учитывать не только фактор функционирования (простого «воспроизводства», постоянного повторения, круговращения), но и развития («научных революций», «развития по спирали»).

Подобный подход берёт свои истоки в исследованиях социальной и культурной динамики, осуществленных П. А. Сорокиным. Современные компьютерные технологии позволяют гораздо более точно нарисовать конфигурации больших и малых циклов развития человеческого знания (длинных и коротких интеллектуальных волн ноосферы), интеллектуальной и ноосферной истории.

Для понимания когнитивной специфики рождения интеллигенции важно эмпирически выведенное «правило 10000 часов» [1, с. 193] практики, необходимых для достижения уровня мастерства специалиста мирового класса. Эти временные параметры позволяют представить себе объем умственной работы, необходимой для формирования человеческого качества интеллигенции.

Самый простой вариант *когнитивной интерпретации* ноосферной динамики связан с выявлением правополушарного и левополушарного доминирования в аналитической и синтетической дискурсии. «Осевое время» (античная эпоха) может быть представлено как точка гармонического отсчёта в ноосферном развитии человечества, Средние века дали пример правополушарного доминирования, а Новое время в течение нескольких веков пестовало разные форматы левополушарного доминирования, достигшего своего апогея в XX веке — веке абсолютного сциентизма. Современное человечество согнулось под невыносимой тяжестью научного знания и встало перед проблемой сбрасывания «знаневого балласта» с глобального аэростата цивилизации. Пришло время когнитивных революций глобального сознания, которые позволят человечеству увидеть более культурные и человеческие соборные формы коллективного разума.

В духовно-интеллектуальном кластере любого общества действительно происходят революционные изменения: лицо новой интеллигенции оказывается совершенно неузнаваемым. В России (пусть и не

так быстро как в других странах мира) формируется информационная (постнеклассическая) интеллигенция — слой общества, который претендует на статус «информационного класса». Совершенно очевидно, что наряду с материальным и духовным производством в XXI веке экспоненциально растёт информационное производство, более того, именно оно постепенно становится доминирующим, судя по тем финансовым потокам, которые связаны с этой сферой развития «общества знаний».

Незаметная реинкарнация «старой» интеллигенции с трудом позволяет увидеть новую субстанцию — информационную субстанцию культурных биогеохимических (ноосферных) энергий человечества. Поэтому не странно, что некоторые авторы озвучивают мысль о том, что идут процессы изживания российской интеллигенции [2]. Понимание проблем девальвации интеллигенции предполагают не идеологическое постулирование, а тщательное философское, социологическое, культурологическое исследование именно этой новой информационно-антропологической реальности в контексте интеллектуальной и ноосферной истории.

Масштаб информационной интеллигенции, очевидно, растёт в соответствии с «законом удвоения количества информации каждые два года». Инфолигенция — это особый слой мировой интеллигенции [3], который в значительной мере эволюционно и неразрывно связан с господствовавшей в XX веке техноинтеллигенцией (техноинженцией). Тогда — в середине XX века — эта проблема называлась «физики и лирики» и решалась поисками некоей гармонии между ними, хотя, конечно, в советском обществе в конечном итоге победила техноинженция, точнее говоря, технократы (их технократическое мышление и сознание).

Столь же противоречивы отношения между информационной интеллигенцией и гуманитарной интеллигенцией эпохи информационного общества. При этом следует признать, что задача интеллектуальной коэволюции никуда не исчезла, думается, что она еще более обострилась в силу того, что слой протоинтеллигенции необычайно расширился. Протоинтеллигенция — это человеческий субстрат, из которого прорастает будущая мировая интеллигенция, её самую значительную часть составляет *прединтеллигенция*, которую (как считают представители школы проф. В. С. Меметова) представляют современные студенты, количество которых очень быстро растёт не только в развитых, но и в развивающихся странах. Мировое студенчество, образующее наиболее значимый для будущего слой, становится все бо-

лее единообразным в основной своей массе, хотя первую скрипку в этом фьючерном процессе играет студенческая элита, которая получает образование в топ-100 (ста лучших вузах мира по тем или иным существующим рейтингам). Именно в этом реальном пространстве «мирового знания» закладываются основные характеристики мировой инфолигенции — планетарному слою, к которому в большей степени относится принцип «кто владеет информацией, тот владеет миром». Среди представителей этого быстро растущего слоя толкателей «информационной революции» и создателей искусственного интеллекта наблюдаются самые высокие личные рейтинги и самые высокие доходы.

В то же время мировая интеллигенция столкнулась с проблемами, которые раньше не были видны за горизонтом. Речь идет о когнитивных ресурсах формирующегося «информационного человека». «...С эволюционной и биологической точки зрения эволюция уже не отбирает более умных, по крайней мере не так быстро, как это происходило тысячи лет назад... Законы природы указывают на то, что мы достигли максимального естественного уровня интеллекта, и любые улучшения теперь должны опираться на внешние источники» [1, С. 230]. Современная ноосфера требует предельно высокого уровня интеллектуального и духовного развития каждого человека, т. е. фактически нового качества коллективного разума человечества. «...Если бы интеллект всех детей стал выше, границы в обществе стерлись бы. И тогда успех в жизни у каждого будет зависеть в основном от его собственного драйва, честолюбия, воображения и упорства, а не от случайности рождения» [1, С. 234]. В этом смысле человеческая революция предстает, прежде всего, как «детская революция», которая зависит от человеческого качества мировой системы образования. Совершенство будущего человечества завязано на возможности создания «детской ноосферной цивилизации», ибо, очевидно, человечество переходит к рождению чреды *поколенческих формаций* и *поколенческих революций*, вызванных чрезвычайным ускорением процессов естественной информационной глобализации.

Понять противоречивую сущность современной инфолигенции невозможно без того, чтобы осмыслить «феномен Сноудена». Оказывается, что даже для работника секретных информационных спецслужб «демократические ценности» не пустой звук, что «традиционная ценностная интеллигенция» глубоко «защита» в сознании (в процессоре) современного инфоглобального человека. Даже учитывая все конспирологические обстоятельства, связанные со скандальным пред-

ставителем современной интеллигенции, следует признать, что его мотивация была связана с попыткой хоть как-то ограничить неограниченную власть «глобального информационного Левиафана». Так «по-диссидентски» вели себя и лучшие представители техноинтеллигенции: например, академик А. Д. Сахаров, получивший Государственную премию за разработку термоядерного проекта, открыто демонстрировал несогласие с властью по целому ряду вопросов гуманистического и социального порядка (в том числе по вопросам прав человека).

Рождение информационной интеллигенции в XXI веке уже на своем первом этапе предполагает осмысление процессов цефализации ноосферы — создания единого коллективного разума человечества в условиях бурно развивающейся информационной революции. И остается только надеяться на то, что техно-информационное качество ноосферного разума не окончательно вытеснит качество человеческое.

Библиографический список:

1. Каку М. Будущее разума. М. : Альпиона нонфикшн, 2015. 502 с.
2. Карпова А. Ю., Мецзякова Н. Н. Российская интеллигенция. Неполное ожидание // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 48—59.
3. Смирнов Г. С. Образование ноосферы: мировая интеллигенция и глобальное сознание. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2016. 428 с.

А. А. Соловьев

Костромской государственный университет

ЦЕРКОВНЫЙ ВОПРОС В РЕВОЛЮЦИОННОМ АПОКАЛИПСИСЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

В начале XX века Православная Греко-Российская Церковь, как официально именовалась Русская Православная Церковь до Поместного собора 1917–1918 гг., в интеллектуальном поле русской культуры олицетворяла эсхатологическую атмосферу уходящей эпохи, исполненной апокалипсическими предчувствиями *fin de siecle*.

Инкорпорированность Церкви в государственные структуры на протяжении длительного периода русской истории моделировала церковное общество в имманентном мире человеческой культуры и тем самым размывала понятия границ Церкви, приводила к неправомерному отождествлению Священного Предания как такового с челове-

скими преданиями, стремящимися его монополизировать в рамках определенной идеологии. Доминирующей тенденцией в области церковного строительства продолжала оставаться конфессионализация общественной жизни. Методы реформирования Церкви были напрямую взаимосвязаны с методами реформирования государства, так как империя была конфессионально ориентирована, а Русская Православная Церковь (далее – РПЦ) считалась господствующей. Заметим, что внеконфессионального состояния на начало XX века не предусматривалось. *Эра Победоносцева* выражала собой принцип сохранения церковно-государственных отношений в рамках византийской идеи симфонии властей, однако интеллектуальный климат эпохи и происшедшие общественно-политические изменения в обществе объективно отражали необходимость реформирования института РПЦ.

Активизация общественно-политической мысли в годы Первой русской революции 1905–1907 гг. естественным образом затронула и *церковный вопрос*, который в определенной степени был не менее острым, нежели доминирующие в отечественной историографии аграрно-крестьянский и рабочий. В ходе заочной полемики по вопросам церковных преобразований между основными ее участниками в лице С.Ю. Витте, К.П. Победоносцева, а также группы профессоров Петербургской духовной академии под руководством митрополита Антония (Вадковского) были выявлены довольно-таки различные векторы дальнейшего церковного пути.

Записка С.Ю. Витте «О современном положении православной Церкви» и «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас православной Церкви», составленные под руководством первенствующего члена Св. Синода митрополита Антония, взаимодополняли друг друга. Констатируя несоответствие религиозных стеснений инакомыслящих духу Православной Церкви, вялость внутренней церковной жизни, проявлявшейся в отчуждении прихода и образованных слоев общества от священнослужителей, а также слабость пастырской деятельности, ограничивающейся в большинстве случаев лишь совершением богослужений и требоисполнениями, авторы усматривали причину общего упадка РПЦ в исчезновении соборного начала в церковной жизни. Соборность как сущностная черта была подменена, по их мысли, в церковном управлении коллегиальностью, которая имманентна системе внутренней бюрократической организации. Именно поэтому деятельность Св. Синода носила «внешний, бюрократически-полицейский характер» [1, с.12].